

Особенности функционирования марийского языка в Урало-Поволжской историко-этнографической области

А. Н. Куклин,
доктор филологических наук, профессор,
директор Института финно-угроведения
ГОУВПО «Марийский государственный
университет» (г. Йошкар-Ола, РФ)

1. Сходство и различия в языках народов Урало-Поволжья

Народы современной Урало-Поволжской историко-этнографической области достаточно разнообразны как по расовым приметам, так и в языковом отношении. По устойчивым и характерным для каждого языка типологическим признакам в морфологическом строении слова они объединяются в две группы: агглютинативную и флективную (фузионную). Представителями первой являются финно-угорские (марийский, мордовские, коми и удмуртский) и тюркские (башкирский, татарский и чувашский) языки, а ко второй относится русский язык.

Существенная примета морфологической структуры слова агглютинативных языков заключается в том, что границы между морфемами вполне отчетливы, при этом у каждого аффикса есть только одно значение и каждое значение выражается всегда одним аффиксом, имеющим диалектные эквиваленты или фонетические разновидности. Например, в составе марийской производной лексемы *пошкудо-влакланем* 'моим соседям' несколько морфем, каждая из которых имеет свое одно значение: *пошкудо* – корень слова, *влак* – показатель множественного числа, *лан* – словоизменятельный аффикс, *ем* – суффикс притяжательности. Ср. также татарскую лексему *булмадырлар* 'не были', где *бул* 'быть' – корень, *ма* – указывает на отрицание, *дыр* –

показатель 3 л. ед. ч. глагола прошедшего времени и *лар* – показатель множественного числа; в слове *елгаларыбызда* 'в наших реках' *елга* 'река' – основа существительного, *лар* – аффикс множественного числа, *ыбыз* – суффикс притяжательности, *да* – словоизменятельный аффикс.

В марийском языке притяжательные суффиксы обычно предшествуют суффиксу множественного числа, например: *Марий Эл* ончыл *е-же-влак* 'передовые люди Марий Эл'. В слове *е-же-влак* *е-* – корневая морфема, *же* – аффикс притяжательности, *влак* – показатель множественного числа.

Аналогичное явление наблюдается и в чувашском языке, ср.: *капитал сёршыв-ё-сен-че* 'в странах капитала'. В слове *сёршывёсенче сёршыв* 'страна' – корневая морфема, *сен* – притяжательный суффикс, *че* – показатель множественности. В этом случае сказалось влияние марийского языка, ибо во всех тюркских языках притяжательные суффиксы располагаются после показателя множественности, ср. татарское *Идел яр-лар-ы* 'берега Волги', турецкое *Türkiye şehir-ler-i* 'города Турции' [9, 225].

Однако под влиянием татарских моделей в марийском языке возникли варианты, где притяжательные суффиксы фигурируют после показателя множественности, ср.: *пеледыш-влак-ем* 'мои цветы', *книгашамыч-ем* 'мои книги'.

В фузионном слове, как правильно отмечает Н. Б. Мечковская, границы между морфемами неотчетливы, как бы сплывались: иногда они проходят внутри звука (например, в слове *стричь* в звуке [ч] слились последний звук корня *стригу* и согласный [т] инфинитивного показателя *-ти*), иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются (*принять*, *взять*) [8, 73].

Что касается марийско-татарских языковых взаимосвязей, то влияние татарского языка прослеживается

на всех уровнях языковой структуры восточномарийских диалектов. Особенно четко оно проявляется в их лексической системе и словесной акцентуации. Так, в краснуфимском говоре в отличие от основных диалектов лугового и отдельных говоров восточного наречия отмечается некоторое своеобразие в постановке словесного ударения. В изолированно взятых лексемах при произношении их с перечислительной или назывной интонацией ударение, как правило, падает на последний слог. Это характерно для слов не только заимствованной, но и исконно марийской лексики: *потала*• ‘колокольчик на шее скота’ < рус. обл. *ботало*, *кайз’онка*• ‘лежанка’ < рус. обл. *казёнка*; *пѳтѳ’н* ‘весь, целиком’ < *тат. бэтен*; ср. собственно марийские слова: *по-го* ‘гриб’, *корно* ‘дорога’.

Влияние татарского языка прослеживается на всех уровнях языковой структуры восточномарийских диалектов. Особенно четко оно проявляется в их лексической системе и словесной акцентуации.

В потоке речи наблюдаются колебания в постановке ударения. Одно и то же слово может употребляться с разными ударениями: либо сохраняет его на первом или на одном из срединных слогов, либо испытывает сильную тенденцию к переносу ударения на последний слог, например: *д’о’лко* // *д’олко*• ‘лентяй’, *ну’гудо* // *нугудо* ‘густой’, *о’жо* // *ожо*• ‘жеребец’. Ср. ударение в соответствующих лексемах лугового наречия: *йо’го*, *ну’гыдо*, *о’жо*.

Перемещение ударения на конечный слог нельзя объяснить чисто фонетическими причинами, так как оно не относится к общим закономерностям марийского языка, хотя аналогичное явление свойственно также живой речи бирских и уфимских мари, находящихся под интенсивным влиянием тюркоязычных народов. Поэтому следует считать вполне естественным, что воздействие татарского и башкирского языков, где ударение всегда падает на последний слог слова [12, 99; 15, 114–115], отразилось и на характере словесной акцентуации в большинстве восточномарийских говоров.

Правда, определенные изменения на тех или иных уровнях языковой структуры могут быть обусловлены внутренними причинами, а также эволюцией самой системы языка, ее самодвижением и саморазвитием, нацеленными на устранение различных противоречий. Как представители номинативной типологии, финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья имеют ряд общих черт, поэтому определенные совпадения в их структуре могут считаться типологи-

ческими сходствами или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из общих или подобных черт. Так, фонологическая природа сингармонизма финно-угорских и тюркских языков принципиально одинакова, различия усматриваются лишь в том, по какому вокалическому признаку он проводится. Широко распространена в них палатальная гармония гласных – прогрессивная нейтрализация вокалических оппозиций как средство связи служебных морфем с корневой [3, 120]. Русский относится к языкам с минимальным числом гласных фонем. Следовательно, для него характерны и минимальное число вокалических оппозиций, и широкая распространенность вариативности гласных. Русская гласная <a> может варьироваться от заднего до переднего образования по причине отсутствия оппозиции «передний – задний ряд». Поэтому русскому языку не свойственна гармония гласных, но он имеет пережиточную «палеонтологическую» категорию рода, уходящую своими корнями в особенности древнего мифологического мышления [17, 418].

Сходные, а иногда и идентичные явления наблюдаются в синтаксисе языков народов Урало-Поволжья. Интересна в этом отношении квантификация одного из ядерных элементов предложения. Так, глагол-сказуемое, подчиняясь активному действию подлежащего, выраженному сочетанием числительного и существительного, выступает в форме множественного числа. Ср. примеры языков народов Урало-Поволжья:

марийский: *Кудывече покшелне, калык ончылно, индеш вате, капыштым да шинчаштым модыктен, сѳан мурым мурат да сем почеш куштат* [5, 157]. – ‘Посреди двора, перед людьми, заигрывая своей фигурой и глазами, поют свадебную песню и приплясывают под музыку девять женщин’;

коми-зырянский: *Дас куйм морт силосуйтѳны.* – ‘Тринадцать человек заготавливают силос’ [11, 41];

эрзя-мордовский: *Мон’ гадувс’т’ колмы какам* – ‘У меня остались трое ребят’ [14, 114]. *Кинос’т’ кавто-колмо ломан’ ул’н’ес’т’.* – ‘В кино два-три человека были’ [7, 42];

татарский: *ѳч олы кеше аныѳ тирасенда ѳѳгереп дигандѳ ѳѳрделѳр.* – ‘Три взрослых человека почти бежали вокруг него’ [4, 186];

русский: *Восемьдесят молодых специалистов отправились работать на периферию* [1, 310]. *Два красных фонаря... становятся ярче* [1, 203].

Указанные примеры демонстрируют координацию сказуемого с подлежащим на смысловом уровне. Такая разновидность формального выражения предикативной связи ядерных элементов двусоставного предложения охарактеризована П. А. Лекантом как семантическое согласование, которое «заключается в мотивированности формы сказуемого семантикой подлежащего, а не его морфологическими категориями

и формами». Примером семантического согласования, как он отмечает, является употребление сказуемого в форме множественного числа при подлежащем, представленном сочетанием числительного и существительного [6, 43]: *Кок ўшыкжэ өргедылыт.* – ‘Два быка бодаются’.

А. М. Щербак полагает, что в тюркских языках «продолжительное время нормальным синтаксическим приемом связи подлежащего со сказуемым было примыкание и что морфологическое выражение множественности осуществлялось только в пределах подлежащего. Согласование в отличие от сопряжения чуждо структуре тюркских языков. Нарастающее расширение формального согласования сказуемого с подлежащим происходит в относительно поздний период и, по-видимому, не без влияния извне. Никакие другие факторы, мотивирующие его появление и активизацию, обнаружить не удастся» [16, 98–99].

2. Этническая демография мари

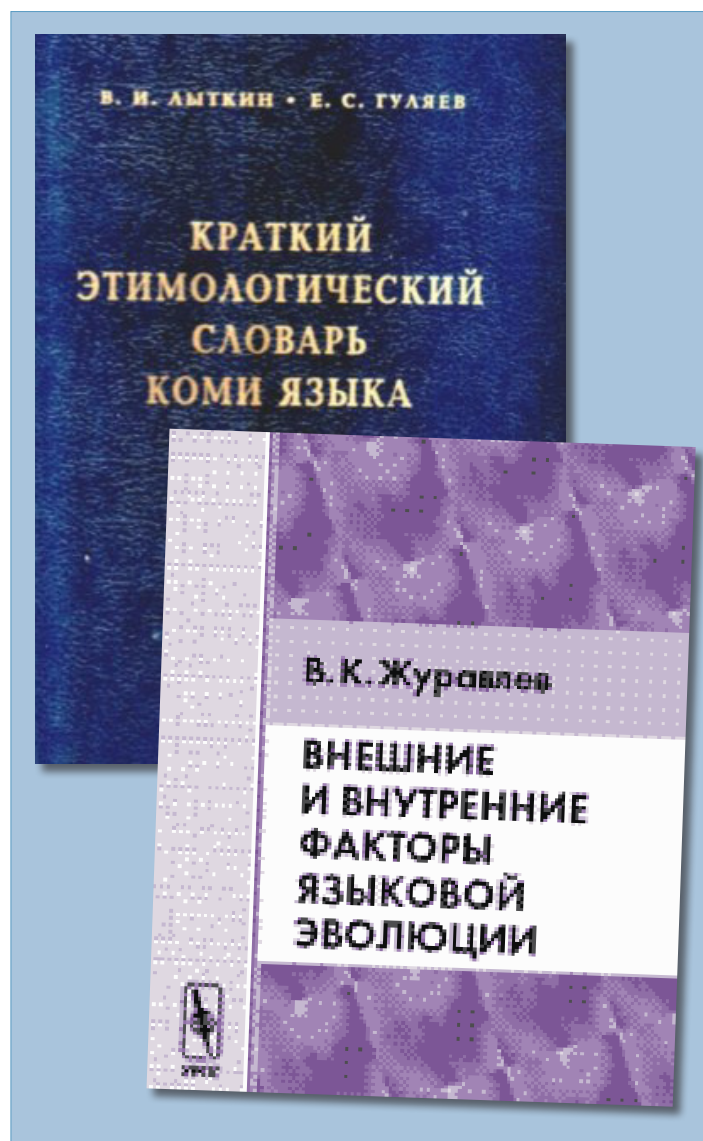
Республика Марий Эл находится в крайней западной части Урало-Поволжской историко-этнографической области, в средней части бассейна реки Волги. Национальный состав республики разнообразен: здесь проживают 47,5 % русских, 42,9 – мари, 6,0 – татар, 3,6 % представителей других национальностей (чуваши, удмурты, мордва, украинцы и др., всего более 50 национальностей).

По переписи населения 1989 г., в СССР проживало 670 868 мари. Согласно переписи 2003 г., их количество составило 604 800 чел. Как явствует из статистических данных, численность марийского населения с 1989 по 2003 г., т. е. за 14 лет, сократилась на 66 068 чел.

Демографическая ситуация в перестроечный и постперестроечный периоды характеризовалась более низкими, чем в среднем по России, уровнями рождаемости и естественного прироста марийского населения и несколько более высоким уровнем смертности.

Из общего количества населения Республики Марий Эл 728 тыс. чел., зарегистрированного на 1 января 2002 г., марийцы составили лишь 312 200 чел., т. е. титульная нация не достигает и половины численности населения республики.

Исходя из общей численности марийского населения в 2003 г. 292 600 мари проживало за пределами своей исконной территории, причем наиболее компактно в Урало-Поволжской историко-этнографической области – в республиках Башкортостан (105 768 чел.), Татарстан (19 446), Удмуртия (9 543), Чувашия (3 799); в областях Кировской (44 496 чел.), Свердловской (31 тыс.), Пермской (7 тыс. чел.) [10, 12–13].

3. Этноязыковая ситуация в Марий Эл и за ее пределами

Марийское население, как правило, не ограничивается знанием родного языка, оно в той или иной степени приобретает ко второму – русскому языку, а часть из них, например представители Мари-Турекского и Параньгинского районов, – даже к удмуртскому и татарскому. Следовательно, в марийской среде существует билингвизм, а у отдельных лиц – полилингвизм. Представителя марийской национальности, способного употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, можно назвать билингвом. Русское население республики, за исключением преподавателей иностранных языков и отдельных лиц, работающих в области культурологии, пользуется только одной языковой системой, только родным языком. Значит, русские являются монолингвами Республики Марий Эл.

В специальных статьях неоднократно отмечалась терминологическая неупорядоченность билингвистической теории, вследствие чего многие принципиальные вопросы типологии двуязычия по сей день не получили общепринятого решения. Так, в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой объяснение содержания этого термина базируется на нечетком понимании природы билингвизма. По мнению автора словаря, под билингвизмом следует понимать «одинаково совершенное владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, например, родным диалектом и литературным языком». Совершенно очевидно, что в этом определении в одно смыкаются два понятия: двуязычие и диглоссия. Впрочем, если учесть становление литературного языка на основе одного из диалектов какого-то языка, то нетрудно понять, что они являются разновидностью одного общенародного языка. Основу литературного языка, как правило, составляет диалект политического, экономического, культурного и религиозного центра той или иной страны. Так, русский литературный язык складывался на основе московского диалекта и прилегающих к нему говоров, французский – парижского, английский – лондонского, китайский – пекинского, японский – токийского. Марийский литературный язык складывался на основе моркинско-сернурского говора, хотя главный политический, экономический и культурный центр Марийского края находится на территории распространения йошкар-олинского говора.

Фонологическая природа сингармонизма финно-угорских и тюркских языков принципиально одинакова, различия усматриваются лишь в том, по какому вокалическому признаку он проводится.

Отсюда становится ясно, что взаимодействие различных подсистем одного языка (литературного и диалектов) следует именовать термином «диглоссия», одинаково свободное владение двумя (родственными или неродственными) языками – термином «билингвизм» или «двуязычие». Эти два понятия следует различать, подобно тому как в языкознании различаются лексические заимствования и лексические проникновения, а в этнографии – этнические карты (карты языков) и этнографические карты (лингвистические карты).

В исследованиях последних лет, касающихся проблем билингвизма, затрагиваются способы распространения двуязычия. Например, М. М. Михайлов в статье «О разновидностях двуязычия», опубликованной

в сборнике «Двуязычие и контрастивная грамматика» (Чебоксары, 1987), различает добровольно изученный и насильственно навязанный тип двуязычия: первый тип, по его мнению, характерен для многонациональных социалистических стран (СССР, СФРЮ, КНР), в которых в условиях политического и фактического равноправия наций идет процесс беспрепятственного развития и совершенствования – в основном благодаря взаимовлиянию и взаимообогащению всех больших и малых языков; второй тип – для США, Пакистана и Ирана, где наблюдаются дискриминация малочисленных народов и вытеснение их языков из всех сфер общественной жизни.

В порядке уточнения отметим, что второй тип до недавнего времени был характерен и для нашей страны. Языки малочисленных народов постепенно вытеснялись из всех сфер общественной жизни, переставали быть языками образования своей нации. Так, в Марийской АССР в 60-е гг. XX столетия несколько десятков марийских школ было переведено на русский язык обучения начиная с 1 класса. Перевод был осуществлен вопреки психолингвистическим установкам в соответствии с директивами сверху.

В марийских школах Свердловской области до 1960-х гг. родной язык и литература преподавались как предмет, позже местные руководители в силу ряда причин, главным образом субъективного характера, исключили их из системы школьного обучения.

Марийское население Кировской, Нижегородской и Пермской областей вообще не имело и в настоящее время в большинстве районов не имеет возможности изучать свой язык и литературу, т. е. оно лишено как индикаторов отношения к своей национальной культуре, так и существенного этнического показателя. Во всяком случае, этнофоры вынуждены адаптироваться к тем условиям, тому типу языкового поведения, который сложился в местности, где они проживают. Психологически они постепенно перестраиваются и изменяют прежнее отношение к родному языку, что в конечном счете ведет к его исчезновению. Хотя в семейной сфере существует несколько иная ситуация. В однонациональных марийских семьях наблюдается относительно устойчивое сохранение родного языка. Члены семей, где один из супругов принадлежит к русской национальности, в 97 % случаев мари пользуются только или главным образом русским языком.

Обращает на себя внимание и тот факт, что изучение подрастающим поколением родного языка в течение последних 50 лет постоянно регрессировало. Принижение или ущемление роли родного языка препятствует овладению теми культурными ценностями, которые накапливались марийским народом в течение многих тысячелетий. При этом важно отметить, что язык является хранителем национальной культуры, именно с его помощью культура наследуется новыми

поколениями людей той или иной национальности. Причем под термином «культура» следует понимать не только богатства национальной литературы и искусства, но и традиции человеческого общежития, обряды, обычаи, общепринятые формы повседневной деятельности, т. е. все национальные формы материальной и духовной культуры.

Наконец, едва ли можно оставить без внимания политику социального давления на языки малочисленных народов, проводимую в свое время КПСС с целью создания новой исторической общности людей – единого советского народа с единым языком межнационального общения. Конечная цель этой политики – создание безнационального, монологического общества. Импульсами же для ускорения данного процесса, по мнению политологов и социологов, должны были быть урбанизированность населения, миграция малочисленных народов в другие регионы страны и иные факторы экстралингвистического характера.

Не случайно мастер художественного слова Василий Белов, выступая на VIII съезде советских писателей, с тревогой отметил: «Меня, русского человека, отнюдь не радует, допустим, перспективы медленного, постепенного исчезновения народа, его полного слияния с другими народами. Какая тоска пришла бы на Землю, какая скука нахлынула бы, если бы остался всего один язык, похожий на эсперанто! Зачем мне такое будущее, если дети будут есть одинаковую еду, носить одинаковую одежду, строить одинаковые жилища?»

Современные этнополитические процессы в России также крайне противоречивы, неустойчивы, они чреваты новыми конфликтами и осложнениями межнациональных отношений. Российские политические силы в настоящее время стараются игнорировать права коренных народов на политическое самоопределение на их исконных территориях. Поэтому вопрос о языках малочисленных народов является не столько лингвистическим, сколько политическим.

Демографическая ситуация в перестроечный и постперестроечный периоды характеризовалась более низкими, чем в среднем по России, уровнями рождаемости и естественного прироста марийского населения и несколько более высоким уровнем смертности.

Касаясь обозначенной проблемы, профессор Московского университета М. К. Любавский в своей книге «Историческая география России в связи с колонизацией» (М., 1909), отметил, что обрусение инородцев уже в XVI в. считалось делом очевидным

и решенным. Немаловажным аргументом в пользу этого утверждения можно считать исчезновение волжско-финских языков мери, муромы и мешеры как следствие славянской ассимиляции. Вероятно, не требуются другие экскурсы диахронического порядка для подтверждения исторически сложившейся ситуации. Имеется достаточно оснований считать, что мерой научности социолингвистического анализа билингвистической теории должен быть историзм. В этой связи уместно привести замечание французского лингвиста А. Мейе, заявившего, что «тот, кто ищет настоящего объяснения, не имеет более права изолировать новые периоды от древних, так же как мы не имеем права объяснять современность, исходя из нее самой и пренебрегая прошлым» [18, 10].

4. Языковые прогнозы и ориентации

Языковые ориентации прогрессирующего характера могут приобретать вполне ясные очертания и выразительность лишь при условии высокого уровня национального самосознания этнофоров. Самосознание марийцев – это осознание индивидом себя как личности марийского этноса, осознание своего места в сохранении и развитии языка и культуры своего народа. Вместе с тем важно иметь в виду и то, что самосознание коррелирует с патриотизмом и во многом определяется им. Патриотизм любого этноса является одним из наиболее глубоких чувств, накопленных тысячелетиями и состоящих из таких нравственных качеств и вековых устоев, как уважение к историческому прошлому своего народа и унаследованным от него традициям, гордость социальными и культурными достижениями своего народа, сочувствие к страданиям родного народа и переживания за социальные пороки общества.

Все сказанное особенно важно в наше время, когда коренное население республики находится в положении языкового меньшинства. Причем уровень знания родного языка у этого меньшинства зависит от возраста, уровня образования, других демосоциальных и иных факторов. Так, язык большинства взрослого населения сельской местности как в экологическом отношении, так и по своей гибкости и красоте отличается от языка молодежи. Естественно, создавшееся положение настоятельно требует улучшения всей системы преподавания и изучения марийского языка в общереспубликанском масштабе. Значительное количество времени в преподавании марийского языка следует уделять развитию связной речи, ее выразительности и благозвучия, ни в коем случае не забывая об обогащении словарного запаса, имеющего существенное значение для развития устной и письменной форм речи обучающихся.

На уровень знания марийского языка, как правило, воздействует язык раннего детства и язык школьного образования, т. е. та среда, тот тип языковой жизни, которые существуют в сельской местности (марийский язык в речевом поведении детей в семье и на улице; марийский язык обучения в школе). В условиях города и поселка городского типа, где преобладает русское население, такой тип языковой жизни создавать неимоверно трудно, но к этому надо стремиться.

В сложившейся ситуации в качестве одного из важнейших каналов распространения марийского языка предстают изучение его как государственно-го в детских дошкольных учреждениях и создание условий для лучшего его изучения и оптимального использования в младших и старших классах общеобразовательных школ.

Этноязыковая ориентация в системе школьного образования сталкивается со множеством трудностей. Одна из них – психологическая настроенность родителей учащихся, проявляющаяся в отношении к языку своей и не своей национальности. У части марийского населения в проективной ситуации выбора языка обучения для своих детей имеется нигилистическое отношение к своему родному языку. Представители данной категории высказываются в том смысле, что со знанием марийского языка далеко не пойдешь. В этой связи достаточно вспомнить слова основоположников научной педагогики в России. Например, глубоко прав был К. Д. Ушинский, сказав, что родное слово есть основа всякого умственного развития и сокро-

вищница всех знаний. Ему же принадлежат мысли о громадном воспитательном значении родного языка: вводя ребенка в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, потому что «в языке одухотворяется весь народ и вся его родина», в нем «отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа» [2, 23; 13, 541–542].

Что касается сельских школ, то в начальных классах обучение детей должно полностью осуществляться на родном языке. С 5 класса родной (марийский) язык должен изучаться как один из учебных предметов. На нем же должны вестись преподавание марийской литературы и истории культуры марийского народа. Для объяснения труднодоступного материала учителя должны пользоваться марийским языком и в старших классах.

Разумеется, изучение национального языка диалектически взаимосвязано с расширением его функций в государственных учреждениях и предприятиях.

Общество должно и в состоянии целенаправленно влиять на функциональное развитие марийского языка, играющего важную роль в жизни этноса как средство выражения этнического своеобразия (т. е. как этноинтегрирующий фактор, свойственный лишь марийской этнической общности и этнодифференцирующий фактор, отличающий эту общность от других), становления и развития национальной культуры, создания и потребления профессиональной культуры.

Опыт языкового строительства соседних республик Урало-Поволжья свидетельствует о том, что объективной потребностью для поступательного развития этноязыковых процессов является увеличение эфирного времени радио- и телепередач на национальном языке. Благодаря расширению устных форм массовой коммуникации (радио, телевидение, кино) степень интенсивности речевого взаимодействия этнофоров значительно возрастет.

С расширением социальных функций языка, употреблением его в различных сферах жизнедеятельности этноса функционирование марийского языка как государственного становится реальным. В настоящее время эту функцию он выполняет лишь формально, не отражая объективную языковую жизнедеятельность народа и, следовательно, не выступая индикатором этнического процесса. Это еще раз подтверждает положение о том, что язык развивается и совершенствуется благодаря использованию его в общественной жизни.

Язык, представляя собой основную социально значимую форму отражения окружающей человека действительности, вместе с другими сферами жизни общества сегодня переживает серьезные кризисные процессы, выражающиеся в игнорировании всех и всяческих норм языка сотрудниками средств массовой информации, проникновении нецензурных слов в пе-

чать, на теле- и радиопередачи, засорении словарного состава иноязычными элементами-проникновениями, в частности англицизмами и американизмами. Причем недостаточный уровень филологического образования как руководящих кадров, так и большинства населения свидетельствует не столько о языковом упадке, сколько о бедственном положении культуры и образования вообще.

Негативные явления в экономической и социальной сферах нашли свое отражение и в духовной жизни общества. Так, телеэкраны заполнили многосерийные западные фильмы, в подавляющем большинстве американские, нацеленные против идеалов демократии и свободы, подлинного гуманизма и интернационализма. Многие из них способствуют не утверждению мысли о высоком гражданском долге, а деградации таких нравственных черт личности, как преданность Родине, гордость за ее историю и культуру. Подавляющее большинство западных фильмов слабы как в идейно-художественном, так и в познавательном отношении и поэтому не могут служить здоровой духовной пищей для молодежи нашей страны.

Что касается самой системы экологии языка, то она предполагает умение разбираться в живых языковых процессах, характерных для современного этапа, соблюдать установившиеся фонетические законы, приемы и способы словообразования, понимать истинную сущность грамматических явлений, накопленных языком на протяжении многих тысячелетий. Если же речь идет о пополнении лексического запаса литературного языка диалектными словами, то их следует отбирать

весьма умело, отмечая прочь то ненужное, что засоряет язык и противостоит его укоренившимся нормам. Причем нельзя искусственно навязывать языку такие инновационные приемы словотворчества, которые вообще не свойственны его природе и не соответствуют нормативным словообразовательным моделям.

Наконец, едва ли можно оставить без внимания тот факт, что указанные обстоятельства не чужды и другим республикам Урало-Поволжского полиэтнического региона.

Как явствует из вышесказанного, в этноязыковой жизни народов Урало-Поволжья накопилось много проблем. Их решение зависит от нашей компетенции, от наших усилий и стараний на благо развития родного языка, расширения его общественной функции, повышения активности как в обучении ему, так и в его изучении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языки народов Урало-Поволжья; языковые прогнозы; этноязыковая ситуация

Ural-Volga region languages; language projections; ethnic and linguistic situation

KEYWORDS

Поступила 30.04.2010

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. вузов. – 5-е изд., перераб. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина – М. : Высш. шк., 1987. – 480 с.
2. Головин, Б. Н. Введение в языкознание : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. – 3-е изд., испр. / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1977. – 311 с. : ил.
3. Журавлев, В. К. Диахроническая фонология / В. К. Журавлев. – М. : Наука, 1986. – 232 с.
4. Закиев, М. З. Татарская грамматика. Синтаксис / М. З. Закиев. – Казань : Полиграф. объедин. им. К. Якуба Мин-ва инф. и печ., 1995. – Т. 3. – 576 с.
5. Лаврентьев, Г. И. А кузе сайынрак да чынрак ойлаш да сераш? // Ончыко. – 2000. – № 11. – С. 157–166.
6. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие для филол. спец. пед. ин-тов. – 2-е изд., испр. / П. А. Лекант. – М. : Высш. шк., 1986. – С. 43.
7. Марков, Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1961. – Т. 1. – С. 7–99.
8. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие для студентов. филол. и лингв. спец. / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.
9. Общее языкознание: Формы существования, функции, истории языка. – М. : Наука, 1970. – 604 с.
10. Сборник материалов об этнической ситуации в Республике Марий Эл и социально-культурном положении марийского народа / Информационно-аналитическое управление Администрации Президента Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2005. – 49 с.
11. Современный коми язык. Синтаксис : учеб. пособие. для высш. учеб. заведений. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1967. – Ч. 2. – 284 с.
12. Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. – М. : Наука, 1969. – 380 с.
13. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения. Вопросы обучения (Вступ. ст. В. Я. Струминского «Проблема обучения в педагогической системе К. Д. Ушинского»). – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1954. – Т. 2. – 736 с. (Библиотека учителя).
14. Цыганкин, Д. В. Тексты, собранные и записанные в приурских говорах эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1963. – Т. 3. – С. 83–119.
15. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1970. – 204 с.
16. Щербак, А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков / А. М. Щербак ; РАН, Ин-т лингв. исслед. – СПб., 1994. – 192 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.
18. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique generale / A. Meillet. – Paris, 1926.

